

Хвост Модерна

Объективные потребности российской политики и риски цивилизационного подхода

Леонид Фишман

Л.Г. Фишман – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

Исследование выполнено за счёт гранта в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (проект № 23-075-67362-1-0409-000410).

DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-172-181

Доктрина государства-цивилизации, принятая в России в 2023 г., давно является предметом обсуждения. Её центральный термин вызывал скептицизм по ряду причин. Тем не менее как обсуждение, так и утверждение доктрины на уровне программного документа и официальной риторики вызвано причинами объективного характера и стало попыткой ответить на вызовы современности. Концепция государства-цивилизации, прежде всего, призвана разрешить противоречие, заложенное в природе российской государственности, – между способами осмысления её как имперской и как национальной. Для целей мобилизации в условиях обострения глобального противостояния возрастает потребность определённой формы национализма и связанного с ним патриотизма, который опирался бы на практику социального государства под эгидой политического режима, основанного на участии всех граждан¹.

В России это не может быть этнический национализм, например, по восточноевропейскому типу. Возникает запрос на идею

¹ См.: Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме. В кн.: И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семёнов (Ред.), Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 110–130.

империи или квазиимперии, которая сегодня описывается как концепция государства-цивилизации. Необходимость обосновать такой функциональный эквивалент национализма заставляет отечественные общественные науки определиться по отношению к западному политологическому мейнстриму – прежде всего к описанию современных политий как наций, империй или постимперий и постнациональных образований какого-то иного типа.

РИСКОВАННЫЕ ДИСКУРСЫ

Опасности, подстерегающие на этом пути, сводятся к некритическому восприятию некоторых мировоззренческих оснований цивилизационного подхода. Тех, которые не просто обусловлены «западным» его происхождением², но прежде всего рождением из весьма специфического духа германского «реакционного модернизма» конца XIX – первой трети XX века³. Во многом он пронизан органическими метафорами, построен на утверждении относительной конечности любой цивилизации, её неизбежного заката и смерти. Западные цивилизационные теории первой половины XX века несут в себе зерно смерти именно потому, что это их ответ на вопрос о причинах собственного упадка, реакция на всё умножающиеся свидетельства собственной брэнности, отягощённые опытом двух военных катастроф и кризиса империалистической мощи. Ограниченность западного цивилизационизма (равно как и российского, в той мере, в которой он следует за ним⁴) также заключается в экстраполяции опыта древних доиндустриальных цивилизаций с их циклами рождения, расцвета и гибели на современные. Однако гибель цивилизаций в современном мире не предопределена: «Стремительный взлёт Китая ставит вопрос о том, что промышленная революция смогла сломать жёсткую предо-

² Порой приоритет формулирования цивилизационной парадигмы отдаётся Н. Данилевскому. Однако уже его современники говорили о некотором концептуальном сходстве его идей с идеями Г. Риккерта, что, конечно, не свидетельствует о прямом заимствовании, но, скорее, о некоторых общих для немецкого и русского философов вполне «западных» парадигмальных основаниях.

³ См.: Herf J. *Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 251 p.; Рингер Ф. *Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933* / Пер. с англ. Е. Каницевой и П. Гольдина. М.: НЛЮ, 2008. 645 с.

⁴ Например, Л.Н. Гумилёв.

пределённость шпенглеровских жизненных циклов локальных цивилизаций и дала шанс старым «постцивилизациям» обрести новую жизнь»⁵.

Если концепция «государства-цивилизации» апеллирует к неким проходящим сквозь всю историю сущностям, без особых изысков формулирующих суть конкретных цивилизаций⁶, надо отдавать себе отчёт, что некоторые представления об этих сущностях уже не актуальны, другие в значительной степени «изобретены», а третьи сформулированы, похоже, исключительно в пику воображаемому Западу. К таковым можно отнести, например, суждения академика Никиты Моисеева, что западная цивилизация – экспансионистская, основанная на грубой силе и недружественная по отношению к природе и иным цивилизациям, в то время как российская, наоборот, основана на бережном отношении к природе, открытости, уважении и сотрудничестве⁷. Последнее вызывает некоторое удивление у всех, кто хотя бы в общих чертах знаком с российской историей. Веками практиковавшееся подсечно-огневое земледелие, тотальное истребление пушного зверя на Урале и в Сибири, вырубка тайги и выкачивание ресурсов на продажу Западу и Востоку – всё это примеры не очень дружественного и бережного отношения к природе. Тут мы видим характерный пример искажённого отражения, которые может дать цивилизационная оптика. Предвзятые умозаключения, будучи приняты в качестве руководства к действию, способны привести к тяжёлым последствиям.

Причины предвзятости, свойственной сторонникам цивилизационного подхода, кроются и в том, что его парадигма изначально являлась побочной линией западного общественнознания. При своём зарождении он был по большей части эмоциональной реакцией на издержки модернизации, протестом против общепринятых способов самоописания западных обществ. В силу этого сторонники

⁵ Шимов В.В. Цивилизационный подход в современной политике. Минск: БГУ, 2022. С. 54.

⁶ Вроде абстрактного «Запада» и такого же «Востока».

⁷ Посадский А.Е., Иманов Г.М. Россия и мир в философии русского космизма // Центр гуманистической экологии и культуры. 11.08.2019. URL: <https://humec.org/publications/438248046> (дата обращения: 01.06.2024).

цивилизационного подхода не разрабатывали в сопоставимом масштабе теорий, релевантных познанию современных обществ. И получилось, что проблемы, рассматриваемые путём цивилизационного подхода, всё ещё лучше решаются в рамках других, мейнстримных парадигм.

Как замечает Иван Тимофеев, понятие цивилизация слишком широко для оперирования им в политической практике, которая требует большей конкретики. «Необходимость диверсификации мировых финансов и ухода от доминирования доллара проще обосновать общностью интересов безопасности, нежели цивилизационными отличиями от Запада... Понятие государства-цивилизации даёт возможности конструировать нашу политическую идентичность, достраивать её новыми элементами. Но это потребует огромной теоретической работы как над самим понятием, так и над более широким кругом тем»⁸. Поэтому сегодня преждевременно говорить, что отечественные социально-гуманитарные науки «переживают переход от линейной методологической парадигмы к цивилизационной парадигме»⁹. Провозглашение такого перехода само по себе не создаёт чего-то равноценного методологическому и понятийному аппарату «больших теорий», укоренившихся не только в науке, но и в социальной практике. Привлекая для своих нужд концепцию «государства-цивилизации», российское обществоведение и российская власть заимствуют довольно фрагментарно и тенденциозно разработанный концепт, что, с одной стороны, развязывает руки для творческой интерпретации, но с другой, таит опасности блуждания по торным тропам западного и отечественного цивилизационизма.

АКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ, ИМПЕРИЯ И ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Основные постулаты отечественного цивилизационизма формулируются в сопоставлении с Западом, причём обычно Запа-

⁸ Тимофеев И. Государство-цивилизация и политическая теория // Россия в глобальной политике. 23.05.2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/gosudarstvo-civilizacziya/> (дата обращения: 01.06.2024).

⁹ Журавлёва Л.А., Зарубина Е.В., Ручкин А.В., Симачкова Н.Н., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. No. 9. С. 83.

дом современным или пре современным, который начал уходить от «традиционного общества». Характерный для цивилизационной риторики эссенциализм приводит к умозаключению, что предпосылкой максимального усиления государства-цивилизации по всем направлениям является его полное соответствие традиционному, которое и должно составлять сущность такого государства. Иными словами, и Запад, и Россия переживали пик могущества, когда в наибольшей степени соответствовали своей сущности, руководствуясь «традиционными ценностями». Показательно, что в обоих случаях традиционное ассоциируется с имперским, империалистическим периодом истории. А империя, согласно некоторым нашим идеологам, – и есть государство-цивилизация¹⁰.

Но в массовом сознании наш пик силы, наша империя и образец государства-цивилизации – СССР. Это подтверждается процессами в идеологии, искусстве, культуре: мы и теперь не можем и не хотим отделить себя от советского периода. Не столь важно, насколько были велики достижения дореволюционной России и в какой степени успехи СССР выросли на дореволюционной основе. Свершения советского периода в любом случае относятся к дореволюционным как действительность к возможности¹¹. Так или иначе, с этой точки зрения «традиционные ценности» оказываются у России и Запада

¹⁰ Например, для Виталия Аверьянова «империя может трактоваться как политический псевдоним самостоятельной цивилизации» (см.: Аверьянов В. Империя и воля. Догнать самих себя. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2014. С. 153). То же самое следует из работ Александра Дугина и Константина Малофеева, которые отождествляют государство-цивилизацию с Империей, понятой отчасти как православный Катехон, отчасти как воплощение ещё более древней – и в значительной мере «реконструированной» – традиции. В истории постоянно противоборствуют мистические сущности условных «Ханаана» и «Империи». В то же время показательно, что, когда Дугин пишет, что империи возвращаются, он уже не делит их на «настоящие» империи и образования, порождённые скорее торгово-олигархическим духом «Ханаана». Фактически в обоих случаях речь идёт об империях просто как сильных и влиятельных государствах с глобальной сферой влияния, разнovidностью которых являются «государства-цивилизации» (см.: Дугин А. Момент Империи. Что скрывается за термином «Государство-Цивилизация» // РИА Новости. 06.10.2023. URL: <https://ria.ru/20231006/imperiya-1900924123.html?ysclid=ls1idgifxr489646850> (дата обращения: 01.06.2024)).

¹¹ Тут показательно, что для того, чтобы обосновать наличие великих перспектив царской России, ретроспективно приписывают ей едва ли не путь, по которому пошёл Советский Союз: «начиная с начала XIX века, и особенно после Отечественной войны 1812 года Российская империя вырабатывала новый социально-экономический уклад, которого раньше в истории не было. Внутри России развивался государственно-социалистический уклад» (см.: Аверьянов В. Указ. соч. С. 314).

сходными. В значительной мере это ценности «высокого модернизма»: рационализация и стандартизация, практики, которые «не только позволяли более точно наладить сбор налогов и исполнение воинской повинности, но и вообще значительно расширили возможности государства»¹²; идеология, подразумевавшая не столько следование собственно научному методу, сколько некритическую и ненаучно оптимистическую веру «относительно возможностей всеохватного планирования человеческого расселения и производства»¹³. Поэтому, когда у нас говорят, что Россия теперь – единственная наследница западных традиционных ценностей, фактически имеется в виду общее наследие высокого модернизма и ассоциирующиеся с ним успехи.

Для большинства из нас актуальная традиция – ценностное наполнение советского периода истории. Это социалистический и советский Модерн с его трудовой этикой, нормами коллективного общежития и частной жизни, семейными ценностями, моралью, нравственностью, отношением к своему долгу перед обществом и государством и т.д. Аналогичным образом и для современных жителей Запада традиция – не какое-то условное Средневековье, а золотой век его (Запада) взлёта и господства, век стали, пара и электричества, первого демографического перехода с осознанием свою силу нациями и империями, правящими остальным человечеством, крепкими семьями, верностью Отечеству, Богу и флагу, не увядшей ещё протестантской этикой – всем тем, что некогда сделало Запад великим. И в этом советское общество параллельно западным обществам сопоставимого периода, «века империй». Подобного рода параллелизм позволяет вести речь о сходстве нравов¹⁴ Запада и России эпохи индустриального общества, империй, упоения своей силой перед лицом отсталых народов. Ценности того

¹² Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни / Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. С. 19.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ «Нрава» в смысле «бытовой привычки, склонности, обычного образа жизни, который зависит от природно-климатических условий, религиозных обрядов, народных предрассудков, личных качеств и характера» (см.: Мясников А.Г. «Нравы», «нравственность» и морально-правовой долг правдивости (логико-понятийный анализ) // Этическая мысль. 2010. № 10. С. 66). Прибавим к перечню обуславливающих нравы факторов модернизацию в широком смысле слова и получим общую для России и Запада нравственность определённого периода.

периода характерны для индустриализирующегося общества, где ещё остаются в силе некоторые морально-нравственные ценности общества доиндустриального. Об эрозии и утрате именно всего этого постоянно твердят те, кто пишет об упадке Запада в духе известной работы Патрика Бьюкенена¹⁵. Традиционализм грустящих об упадке Запада похож на традиционализм сокрушающихся об утрате достижений советского строя – они оба являются вариантами сожалений о минувшем золотом веке индустриального Модерна. И когда наша политическая элита хочет говорить на общем языке с массами, то шаблонные представления о традиции (как она выглядит в либеральных учебниках, написанных в русле общепринятых парадигм западного обществознания) фактически уступают представлениям об актуальной традиции большинства российского общества. Таковыми оказываются в первую очередь не полумифические варианты «самодержавия-православия-народности» и не общие скрепы с исламом и другими «традиционными религиями». Это советский строй, параллелью которого на Западе служат времена империалистического господства «белого человека». Отсюда рост именно правого популизма на Западе и лево-патерналистского у нас, равно как и их некоторая взаимная симпатия.

Если у нас вырисовывается перспектива СССР 2.0, то на Западе – попытка вернуть век империалистического доминирования европейской цивилизации, по крайней мере у себя дома. И здесь, и там будет отчасти реставрировано социальное государство в его первоначальных версиях с акцентом на экономическую и военную полезность индивида как основание для социальной помощи. У нас это происходит через оформление инкарнации «служилого государства» с уклоном в мобилизационные социальные технологии. У них, в случае торжества правых популистов или крупных уступок им, скорее всего через отказ или существенное ограничение универсализма и антиутилитаризма социальной политики в пользу демократической ренты «только для своих», коренных граждан или приравненных к ним по статусу. В обоих случаях стоит ожидать активизации перераспределительной политики в пользу низших страт коренного населения, отказ от левого универсализма в пользу милитаризации и экономического утилитаризма.

¹⁵ Бьюкенен П. Смерть Запада / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2003. 444 с.

Другим, не менее значимым процессом становится трансформация демократии как принципа легитимации власти. Это не означает, что демократические процедуры исчезнут, но, возможно, их значимость будет де-факто минимизирована. Такая тенденция, например, проявляется в стремлении утвердить ультралиберальную повестку на Западе даже вопреки волеизъявлению народа, а у нас – в постоянных попытках выработать дискурс об идентичности и ценностях. Иными словами, речь идёт о дополнении демократии идеократией, содержание которой не идентично классическому либеральному демократизму. Доктрина государства-цивилизации в первую очередь должна будет ответить на эти вызовы современности, исходя из нашего идейного и культурного наследия.

АЛЬТЕРНАТИВА ВМЕСТО ШАБЛОНА

За постсоветский период у нас сложились определённые типы реагирования на вызовы истории. Сформировалась тенденция отмежёвываться от всего, что ассоциируется с либерализмом, европоцентризмом, «поклонением Западу» в области философии истории. Естественным результатом стало обращение к концепциям, издавна претендовавшим стать альтернативой либерализму и европоцентризму. Это подразумевает критику ограниченности и идеологической ангажированности главных идеологических и научных парадигм Модерна, прежде всего – плоского прогрессизма, некритической веры в вечность принципов, заложенных в основу западной буржуазно-капиталистической цивилизации, а также указание на пороки самой этой цивилизации. Такая линия впервые возникает в западном обществоведении как реакция на социально-политические коллизии эпохи Модерна. Остальной мир, в том числе и Россия, следует уже установившемуся шаблону, который находится в русле западного же мейнстрима наук об обществе¹⁶.

По большей части речь идёт о смене знаков: то, что считалось позитивным, пока Россия, в том числе советская, следовала путём Модерна, ставится под сомнение, а порой и прямо отвергается. В то же время смена знаков не может быть последовательной, поскольку

¹⁶ Фишман Л.Г., Мартыянов В.С. Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №. 1. С. 100–113.

ку сопровождается реверансами в сторону утраченной Западом, но всё ещё близкой России современной же традиции. В этом отчасти проявляется почти нескрываемое желание присоединиться к «клубу господ»¹⁷, будучи признанными пусть и оппозиционной, но влиятельной частью западного политического истеблишмента. Из этого вытекает, что принятая на вооружение концепция государства-цивилизации будет одновременно истолковываться как в ключе этого общего для России и Запада, если угодно, современного традиционализма, так и в русле соблазнительно простого «и я сжёг всё, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал».

Сама по себе концепция России как государства-цивилизации пока представляет чистую возможность, и её применение не влечёт за собой особых рисков и проблем. Понятие государства-цивилизации, как оно дано в «Концепции внешней политики Российской Федерации»¹⁸, достаточно широко. Когда о нём идёт речь, обычно имеется в виду исторически устойчивое и культурно преемственное сообщество, выработавшее собственную ценностную модель и обладающее значительным социально-политическим влиянием на мировую политику. Фактически под этим понятием скрывается привычная для России практика подражания сильному на данный момент внешнеполитическому субъекту, который берётся в качестве образца¹⁹. Размытость риторики «традиционных ценностей» не представляется проблемой, они всё равно будут истолкованы в массовом сознании скорее исходя из их реального содержания, а не из чьих-либо умозрительных представлений. Эта риторика применима и к «государству-цивилизации», и к «империи», и к «нации».

Проблема в «ассоциативном хвосте», который существует в головах учёных и чиновников, чьи представления сформировались в период интеллектуального господства, условно говоря, либераль-

¹⁷ Фишман Л.Г., Мартыянов В.С. Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Политика. Зима 2006–2007. No. 4. С. 73.

¹⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД РФ. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 01.06.2024).

¹⁹ В данном случае это Китай, и понятие «государство-цивилизация» изначально было введено для того, чтобы «декодировать», расшифровать китайскую цивилизацию в перспективе цивилизационной переоценки самой китайской истории, а также полнее определить её отличие от западной цивилизации. См.: Спиридонова В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М.: Институт философии РАН, 2016. С. 7.

но-западнического подхода. С точки зрения последнего, главным кандидатом в оппоненты ему является подход цивилизационный. Он включает ряд концепций, имеющих слабое отношение к современности, но отмеченных громкими именами. Этот «ассоциативный хвост» чреват некритическим увлечением концепциями в духе «реакционного модернизма». Они имеют отношение к цивилизационной риторике, но не отвечают потребностям сегодняшнего дня. Это экспансионизм в шпенглеровском духе, теории России-Катехона, рецепты «подмораживания» в духе Константина Леонтьева, евразийские теории, начиная от Петра Савицкого и Николая Трубецкого²⁰ и заканчивая Львом Гумилёвым, изоляционистские концепции вроде «Острова России», теории мистического противоборства вечных «Ханаана» и «Империи» и т.д. Все они содержат соблазн руководствоваться во внешней и внутренней политике произвольными представлениями о сущности и границах цивилизаций²¹ и столь же произвольными историософиями.

Хвост длинный, фантазий теоретического и практического характера он может породить много. Однако идеологически обусловленные aberrации взглядов на исторический путь России и её место в мире, которые имели место в предшествующие десятилетия, невозможно преодолеть с помощью столь же идеологизированного перегиба в другую сторону. А именно – в сторону интеллектуальной традиции западного «реакционного модернизма». Примыкающие к ней российские цивилизационистские направления должны быть осмыслены в первую очередь с точки зрения их отличий от западного цивилизационизма, ведь Россия никогда не была полностью «своей» в кругу западных властелинов мира. Концепция «государства-цивилизации» может соответствовать текущему положению дел, если она сформируется как прагматическая альтернатива подобного рода шаблонному цивилизационизму. Она будет опираться на действительное культурное и институциональное наследие прошлого, а не на его нередко спекулятивное осмысление с точки зрения теорий, представляющих по большей части лишь историческую ценность.

²⁰ С досадными, но не совсем неожиданными колебаниями в сторону фашизма.

²¹ Шимов В.В. Указ соч. С. 44.